

РАЗДЕЛ I

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРОВОГО ПОРЯДКА И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

ПОСТМОДЕРН: ПРОБЛЕМЫ СМЕНЫ ПРАВИЛ ДИПЛОМАТИИ

В. А. Божанов

*Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 126, 220070, г. Минск, Беларусь, kp@bseu.by*

Статья посвящена проблеме формирования публичной дипломатии в условия постмодерна. Определены характерные особенности эпохи постмодерна, его научная парадигма. Обращено внимание на конкретные проявления постмодернизма. Выявлено влияние постмодерна в области международных отношений и публичной дипломатии.

Ключевые слова: постмодерн; международные отношения; публичная дипломатия; социальные сети; гегемония; центры влияния.

POSTMODERNISM: THE PROBLEMS OF CHANGING THE RULES OF DIPLOMACY

V. A. Bozhanov

*Belarusian State Economic University,
Partizansky Avenue, 126, 220070, Minsk, Belarus, kp@bseu.by*

The article is devoted to the problem of the formation of public diplomacy in postmodern conditions. The characteristic features of the postmodern era and its scientific paradigm are determined. Attention is drawn to the specific manifestations of postmodernism. The influence of postmodernism in the field of international relations and public diplomacy is revealed.

Keywords: postmodernism; international relations; public diplomacy; social networks; hegemony; centers of influence.

Как заметил в свое время Мишель Фуко, постмодерн есть и его уже нельзя не замечать. Премодерн, модерн, постмодерн – это эпохи в развитии человеческого общества, разделенные новой практикой жизни людей и ее новым отражением в познании. Это своеобразная эволюция, необычная сила развития, демонстрирующая фундаментальные новации во всех

областях жизни человечества как всемогущий закон существования всего сущего на Земле. Это эпохальные ступени подъема человека к вершинам познания и, главное, практической деятельности. Земледельческая эпоха (премодерн) вырвала человечество из случайностей охоты и собирательства и тьмы пещерной жизни, ньютоновский гений (модерн) позволил энергично и широкомасштабно понять законы природы и поставить их на службу человечеству. Эпоха постмодерна помогает человечеству освобождаться от привычных понятий и ограничений, приучает устанавливать их и тут же на марше менять, признавать тотальную множественность, в которой единое и уникально единственное, по правилам и в хаосе, предсказуемо и неопределенно, случайно и последовательно творится мироздание и вечно зеленое древо жизни. Порядок и хаос живут одновременно, требуя от человека релятивного, динамичного, творческого мышления, которое все может постичь, все освоить, если вписывается в скоростной режим реального пространства-времени.

Научная парадигма постмодернизма опирается на принципы синергетики и теории систем, т.е. созидание новой социально-экономической ситуации, процессы глобализации и обострения глобальных проблем, характеризуется исчерпанностью проекта Просвещения, иллюзорностью опоры на оптимальные, всеобщие средства цивилизационного развития. В результате отвергается линейность и детерминизм в трактовке социальных процессов, безусловная универсальность законов развития общества, единой и системной модели мира. Утверждается хаос в любой предметности, множественность реальностей. И человек имеет право идентифицировать себя с любым из этих реальностей и процессами мышления. Нарастает тенденция сближения мира людей и мира природы.

Международные отношения реализуются в основном через дипломатию как совокупность приемов и методов в отношениях с иностранными государствами [1, с. 166], и они также испытывают влияние трансформации эпох. На смену классической дипломатии сегодня приходит дипломатия постмодерна. Иногда ее главным правилом объявляют отсутствие всяких правил, а главным принципом беспринципное «можно все» [2]. Вряд ли такие правила стали нормой деятельности дипломатов мира. Новый подход после многолетней привычки следовать сложившимся дискурсу, стандартным понятиям и дипломатическому уставу вызывает иногда сбои в коммуникации дипломатических сторон и, в конечном счете, к непониманию позиций друг друга. Несомненно, это временные трудности, которые постепенно будут сглаживаться, особенно со сменой поколений кадров дипломатической службы и соответствующим поворотом в учебных программах подготовки и переподготовки профессиональных дипломатов. А пока дипломатия постмодерна испытывает известные трудности,

особенно при регулировании конфликтов, а порой и провоцирует их. Постмодерн, органически связанный с глобализмом, формирует современную тенденцию усиления в международных отношениях влияния других стран, которые создают новые коллективные центры влияния, противостоящие традиционной гегемонии сильных мира сего. Процесс трудный, но не безрезультатный. Западный рационализм эпохи Просвещения исчерпал себя и испытывает давление со стороны привычно покорных народов, которые сегодня желают строить новый мировой порядок, новые отношения на международной арене – справедливые и равноправные.

Международные отношения, характеризующиеся некоторой неопределенностью, зависят не только от объективных процессов, но и от предпочтений самых разных лиц с присущими им ценностями, идеалами, предрассудками и т. п. В основе постмодернизма лежит анализ проблем языка и дискурса международных отношений, а также истоков и оснований наших собственных мыслей и действий [3]. Социальная действительность не существует «сама по себе», независимо от нашего познания и используемых методов. Международная реальность не конструируется, а отражается в сознании и научных теориях.

Международные отношения оказались втянуты в такое явление, как «постправда», которое можно трактовать как побочное, не лучшее явление постмодерна. Дело, вероятно, в том, что отрыв от шаблонов толкает некоторых участников межгосударственных дел к усеченной правде, извращенной недоговоренности, где рациональность факта замещается произволом его трактовки «для себя». По определению Оксфордского словаря, постправда – это явление, в котором апелляция к эмоциям и личным убеждениям играет более важную роль в формировании общественного мнения, чем объективные факты [4, с. 12]. Это понимается как отклонение от правды или пренебрежение правдой в угоду авторам информации. Главные источники постправды – фальшивые новости и пропаганда. Таким основным способом полуправда становится целенаправленной деятельностью по введению общества или группы лиц в заблуждение. При этом надо заметить, что за ложь и случайные ошибки прежде было принято, как правило, публично извиняться, исправлять их, то ложь в постправде прописывается нынче как само собой разумеющееся.

Все, чем не брезговали стороны в президентских выборах в США и в преддверии референдума об английском «брексите» (процедура выхода Великобритании из ЕС) в 2016 г., заставило говорить о постправде, как о новом и опасном явлении из-за его крупномасштабности. Американские дипломаты открыто приравнивают публичную дипломатию к международной пропаганде или «психологической» борьбе. Более того, сегодня публичная дипломатия рассматривается американским Конгрессом как

инструмент борьбы с российским информационным влиянием. Таким образом, противодействие фальшивым новостям превращается в инструмент в войне образов и органически встраивается в российско-американский дискурс. Журналисты называют это явление «пропагандой о пропаганде». Данный речевой оборот ёмко характеризует сложившуюся ситуацию, в которой полуправда становится неотъемлемой частью современного информационного пространства. Это связано и с развитием цифровых технологий, искусственного интеллекта. Огромные информационные потоки создают много информационного шума, делающего человека более уязвимым для манипуляций. Постправда приводит к тому, что уровень доверия между геополитическими игроками снижается. В результате публичная дипломатия теряет свою главную миссию, присущую ей по определению, – формировать положительный образ государства и выступать в качестве инструмента укрепления социально-культурных связей между ними. Этому пытаются противостоять «мягкая сила», основным критерием которой является «привлекательность» государства. Главный инструмент «мягкой силы» – принцип убеждения, а не принуждения или навязывания.

Основная проблема публичной дипломатии в эпоху постправды и цифрового бума – это кризис доверия между Россией и Западом, доминирование стереотипов и война образов. Современная терминология и переизбыток информации в Интернете осложняют эти проблемы, делают их практически неразрешимыми, по крайней мере в данный момент времени. Как показывает анализ, истоки кризиса между Москвой и Вашингтоном лежат не только в разной интерпретации внешнеполитических и внутриполитических событий, но также и в уязвимости публичной дипломатии перед гнетущей повесткой дня как в России, так и на Западе. Вместо объективной информации выстраивания положительных отношений Москвы с Вашингтоном, Киевом и Брюсселем, публичная дипломатия становится одной из пружин роста недоверия и источником напряжения. Преднамеренно образуется порочный круг недоверия, в котором проблемы лишь нарастают. С обеих сторон нужна политическая воля к компромиссу, отказу от соперничества в пропаганде, формированию взаимного положительного восприятия друг друга.

Под публичной дипломатией понимаются средства, при помощи которых правительства, частные группы и отдельные лица меняют установки и мнения других народов и правительств таким образом, чтобы оказать влияние на внешнеполитические решения (классическое определение Э. Гуллиона) [5, с. 1247]. Если большую часть своей истории публичная дипломатия развивалась в рамках иерархических отношений, то сегодня доминирующее значение постепенно приобретают сетевые формы пуб-

личной дипломатии. Ее выстраивают не только негосударственные участники, для которых сетевая структура является привычной, но и непосредственно государства, другие государственные структуры. Формируются транснациональные многоуровневые сетевые сообщества, связанные общей заинтересованностью в реализации определенной политической программы и наличием общей идентичности между ними. Конечным результатом сетевой публичной дипломатии является выработка решения, создание какого-либо общего проекта, решение какой-либо общей проблемы [5, с. 1249]. Это может приводить к изменению внешнеполитического поведения государств, но может и не приводить. Сетевая дипломатия выстраивается на горизонтальных связях между акторами мировой политики.

Существующие типы государств можно классифицировать через критерий их отношения к институту суверенитета как основной ценности модерна, лежащей в основе современной системы международных отношений. Суверенитет представляется важным институтом с точки зрения анализа системы публичной дипломатии. Сетевое взаимодействие, с одной стороны, соотносится с ценностью суверенитета, а с другой стороны, противоречит ему. В рамках сети актор обладает полуавтономией в том смысле, что он всегда может покинуть сеть. Нахождение актора в сети объясняется его сопричастностью ценностям, вокруг которых сеть сформировалась. Выход из сети может означать разрыв с ранее разделяемыми ценностями. Но сетевые взаимодействия не означают и полную свободу. Акторы в сети являются частью общей ценностно-нормативной структуры, которая определяет поведение. В ином случае они перестают быть ее частью. Государство может быть частью сети, однако, будучи иерархическим институтом по своей сути, своей политической деятельностью неизбежно иерархизирует сеть, превращая ее в гибридную структуру. Кроме того, главной ценностью государства является суверенитет [6], тогда единственная устойчивая сеть, которую могут создать государства – это система государств, т. е. существующая система международных отношений.

Однако не все государства в равной степени разделяют верховенство ценности суверенитета. По критерию отношения к суверенитету также можно выделить три типа государственности: премодерн, модерн, постмодерн. Государства премодерна не отказываются от суверенитета, однако не рассматривают его в качестве первостепенной ценности. Они разделяют различные традиции, выраженные в религии, семье, клане, этносе и т. д. Такие государства могут формировать сети на основе этих ценностей. Для государств модерна, коих большинство в современной системе международных отношений, суверенитет является наивысшей ценностью.

Все их усилия направлены на максимизацию своей независимости в мировой политике. Государства постмодерна не отказываются от суверенитета, однако он и не занимает верхнюю строчку списка ценностей этих государств. На первом месте среди ценностей для них находится эффективность [5, с. 1252] – эффективность довольно широкого плана, которая позволяет государству постмодерна встраиваться и формировать различные сети, если это делает его политику эффективнее, прежде всего в социально-экономической сфере.

Таким образом, международные отношения, публичная дипломатия соприкоснулись с требованиями постмодерна и формируют соответствующие сообщества, в частности, через социальные сети. В то же время прежние модернистские традиции имеют своих сторонников и используя современные средства публичности пытаются противостоять наметившимся постмодернистским тенденциям. Можно предположить, что процесс обновления публичной дипломатии займет еще продолжительное время.

Библиографические ссылки

1. Словарь иностранных слов. 12-е изд., стереотип. М: Изд-во «Рус. яз.», 1985.
2. *Ващенко А. В.* Дипломатия постмодерна: проблемы и решения // Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: к 85-летию Краснодарского края. Отв. редактор А. А. Зайцев. Краснодар, 2023. С. 102–107.
3. Постмодернизм [Электронный ресурс]. URL: <http://bstudy.net/681088/politika/postmodernism?ysclid=lthcsakg7x719156987> (дата обращения: 07.03.2024).
4. *Кошкин П. Г.* Публичная дипломатия в эпоху «постправды» [Электронный ресурс] // Россия и Америка в XXI веке (сетевое издание). 2018. № 3. С. 12–18. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760016480-5-1/> (дата обращения: 07.03.2024).
5. *Харкевич М. В.* Формы публичной дипломатии и типы государств // Политика и общество. 2016. № 9. С. 1244–1255.
6. *Божанов В. А.* Дорог ли государству суверенитет? // Современная политическая наука о траекториях развития государства, бизнеса и гражданского общества : Сб. ст. IV Международной науч.-практ. конф. (Минск, 15 дек. 2023 г.). С. 32–41.